

В. Н. ДАНИЛЕНКО

БЕЛОГЛИНЯНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ХЕРСОНЕСА

Вся белоглиняная и значительная часть красноглиняной поливной керамики, происходящая из Херсонеса и других средневековых центров Юго-Западного Крыма, считается привозной из Константинополя или других византийских городов (1, с. 323, 333, 336, 357; 2, с. 221, 222; 3, с. 126, 129; 4, с. 86). Делая этот вывод, исследователи частично ориентируются на давнюю традицию, в соответствии с которой все высококачественные вещи приписываются одному из широко известных центров (так чернолаковая керамика некогда вся считалась продукцией Афин), частично же исходят из следующих соображений: во-первых, в Юго-Западном Крыму нет белой глины, во-вторых, крымская керамика находит близкие аналогии в византийских центрах.

Представляется привлекательной прямо противоположная точка зрения, которая может быть сведена к утверждению о местном, крымском производстве абсолютного большинства найденной здесь поливной керамики. В пользу этого есть немало доводов. Посуда - не лучший товар для дальних перевозок, да еще в эпоху средневековья при тогдашнем состоянии дорог и наличии транспортных средств. Чрезвычайно хрупкая, легко бьющаяся, она требовала очень тщательной, а следовательно дорогостоящей, упаковки, что отнюдь не гарантировало ее сохранность во время морских волнений, на ухабистых дорогах. Большой опасности подвергался хрупкий товар при погрузке и разгрузке судов. К тому же керамика, в том числе и столовая, всегда считалась недорогим продуктом (5, с. 42). Еще во времена античности глиняная столовая посуда была очень дешевой, само ее употребление было свидетельством относительной бедности (например: Плутарх. О том, что не надо делать долгов, 2,3). Продукцию, имеющую столь низкую цену, вряд ли стоило возить на большие расстояния, ведь это вело к ощутимым накладным расходам, включая весьма высокий фрахт (6, с. 17, прим. 59 на с. 25), которые могли в некоторых случаях превышать стоимость товара (7, с. 8). Совершенно справедливо замечание В.П. Даркевича о том, что "при крайней трудности и дороговизне перевозок" в эпоху средневековья дальняя заморская транспортировка предметов роскоши была особенно рентабельной (8, с. 10), но из этого же следует, что дешевые товары возить было невыгодно.

Разумеется, можно привести сколько угодно примеров из истории, археологии и этнографии, когда керамика, в том числе и поливная, перевозилась из одного пункта в другой (9, с. 56; 10, с. 201, 205, прил. 2: Гончары Сулевкента), однако, как правило, в этих случаях речь шла об эпизодических поставках продукции или о небольших расстояниях в пределах узкого региона: до ближайших сел, в соседнюю долину и т.д. (11, с. 346). И даже при небольших расстояниях принимались чрезвычайные меры для сохранения: сосуды обкладывали сеном и по пути постоянно поправляли упаковку (11, с. 374, 275). Из Китая в Европу тонкая посуда перевозилась в ящиках с чаем.

В средневековых письменных памятниках разнообразных жанров (летописях, актах, художественных произведениях) сохранились многочисленные перечни товаров, являвшихся предметами международной торговли в ту эпоху. Они относятся к различным временным отрезкам и территориям Восток (12, с. 126), Византия (Константин Багрянородный. Об управлении империей, 53), Западная Европа (13, с. 169), Русь (ПВЛ, ч. 1, с. 48) и т.д. На основании письмен-

ных источников современные исследователи составили множество подобных перечней (13, с. 22,24,26,33,36,66,67,165; 14, с. 49,54,74-77; 15, с. 133,134,210,250; 16, с. 82,87). В тех и других можно встретить все, что угодно, начиная от металлов, пищевых продуктов, рабов и кончая разнообразными ремесленными изделиями, драгоценностями, благовониями. Продукция же гончарного дела в эти перечни почти никогда не попадает, что безусловно свидетельствует о слабом развитии торговли этим товаром.

Примеры отдельных торговых операций с керамикой скорее не опровергают, а подтверждают эту мысль. Так, Ю.А.Миллер в доказательство большого спроса на кютахийскую посуду ссылается а случай отправки во Францию “дюжины чашек для кофе с блюдцами” и ряда других предметов (17, с. 167). Факт относится к 1715 г., когда международная торговля и технические возможности ее осуществления значительно улучшились сравнительно со средневековым временем. К тому же, сообщение о дальней транспортировке одного-единственного кофейного сервиза говорит скорее о редкости и экзотичности турецкой керамики в Западной Европе, чем о большом спросе на этот товар. Да и если сочли нужным отметить такую мизерную, ничтожную покупку, то, очевидно, подобные случаи были большой редкостью.

Там, где при археологических раскопках мы встречаемся с привозной керамикой, ее процент по сравнению с общим количеством столовой посуды всегда ничтожен. Примеров такого рода можно привести сколько угодно, остановимся лишь на некоторых. При раскопках Старой Рязани за двенадцать лет работы крупной экспедиции, в мощном и весьма насыщенном материалами культурном слое найдено всего 30, к тому же мелких и даже мельчайших, обломков иранских сосудов. Все они распределяются примерно на 120 лет (с начала XII в. до 1220 г.) или, иначе говоря, на четыре года в среднем приходится один фрагмент (18, с. 183,192). При этом нужно учитывать, что раскапывался участок, где концентрировались дворцовые постройки местной знати (19, с. 47).

Любопытна картина и в самом Херсонесе. В каталог византийской белоглиняной расписной керамики IX-XII вв. его автор В.Н.Залесская включила всего 52 сосуда или их фрагмента, в том числе 45 херсонесского происхождения. Все сосуды датируются временем от IX по XII вв., т.е. относятся к четырем векам, или по 11 предметов на каждый век в среднем - количество совершенно ничтожное. В.Н.Залесская подчеркивает немногочисленность таких находок. Место изготовления автор, вслед за А.М.Медведевым, предполагает в районе Константинополя и в северо-западной части Малой Азии (20, с. 6), во всяком случае, эта керамика считается заведомо византийской (20, с. 14).

С другим явлением мы сталкиваемся в описании Бируни, рассказывающем о купце из Рея, в доме которого вся посуда была из китайского фарфора (21, с. 212). Здесь речь должна идти о своеобразном коллекционировании. Из контекста можно заключить, что само по себе такое собрание удивляет Бируни, и, повествуя о нем, он стремится поразить своего читателя. Но это возможно лишь в том случае, если китайский фарфор являлся раритетом в Рее, как, видимо, и было на самом деле. Любопытно примечание переводчика к этому рассказу Бируни: “...по всей вероятности, далеко не вся посуда, которая упоминается под именем китайского фарфора в источниках того времени была действительно китайской”. И далее приводятся примеры фабрикации подражаний китайскому фарфору в различных местностях (21, с. 477). Все подобные случаи подтверждают редкость, а то и уни-

кальность проникновения отдельных керамических изделий из одной местности в другую.

Примеры же, когда бы город или целая область регулярно снабжались посудой на протяжении столетий из отдельных заморских центров, трудно найти. Да и незачем - гончарное ремесло в древности считалось настолько простым и обычным, что византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. рекомендует иметь в каждой деревне своих гончаров: "Необходимее же всего иметь в самих имениях или поблизости от них гончаров, так как можно быть уверенным, что в каждой земле можно найти гончарную глину: или на поверхности, или в глубине, или в укромных углах селения ты найдешь глину, пригодную для изготовления гончарных изделий" (Геопоники, II, 49, 3).

И если нормой было наличие гончарных мастерских в сельской местности, то, разумеется, каждый, даже небольшой городишко мог без труда завести у себя более или менее разветвленное керамическое производство, для выпуска в том числе и столовой посуды с гигиеническим покрытием. Так было во все времена. Крошечное поселение Хирбет-Кумран (период жизни 68-134 гг.н.э.) снабжало себя керамическими изделиями, о чем свидетельствует хорошо сохранившаяся гончарная мастерская (22, с. 22,23). Среди 66 черняховских поселений, подвергнутых специальному изучению, 18 располагали собственным гончарным производством (23, рис. 2, табл. на с. 41). В древней Фергане не только крупные ремесленные центры, но и отдельные мелкие поселения развивали свое керамическое производство (24, с. 104-106). В древнерусской деревне из нескольких домов найдены обжигательная печь и орудия труда сельского гончара (25, с. 161). Вполне под силу было завести свое производство поливной посуды и такому крупному, многолюдному, богатому городу, каким был Херсонес. Он имел старинные ремесленные традиции, в нем на протяжении почти тысячелетий предшествующей истории успешно развивалось керамическое производство, в большом количестве выпускались различные виды гончарных изделий, включая и столовую посуду, покрытую лаком. Не совсем ясно, какие причины могли бы заставить херсонеситов отказаться на несколько столетий от фабрикации собственной столовой посуды и перейти в зависимость от заморских центров. Такая зависимость представляется крайне неудобной и обременительной для города. Не говоря уже о том, что привозная посуда дороже произведенной на месте, большое неудобство здесь заключается в отсутствии гарантий регулярности подвоза: войны, развитие пиратства, внутренние неурядицы и многие другие причины могли затруднить или вовсе прервать на длительное время связь Крыма с византийскими областями.

При этом нужно учитывать еще ряд факторов, которые могли влиять на торговлю керамикой. Обращает на себя внимание господство мелких ремесленных мастерских в Византии (6, с. 12). Кроме того, "рассматривая торговлю IX-X вв., нельзя забывать об общей узости ее развития, о слабости ее влияния на структуру экономики и общества, об ограниченности и нерегулярности связей между населенными пунктами" (26, с. 102).

Иногда возникали ситуации, когда какое-то государство, регион, местность или город вынужденно ввозили тот или иной товар, который невозможно было добыть или произвести на своей территории.

Тогда принципиально возможны два варианта: снабжение шло из одного или нескольких центров. При первом варианте какой-то крупный производственный центр, например Константинополь, должен создать у себя специальную, крупную

по масштабам производства отрасль ремесла, работающую для снабжения такого емкого рынка, каким был Юго-Западный Крым с его городами и селами, многочисленным и высокоразвитым в культурном отношении населением. При затруднениях в сбыте продукции или временном его прекращении ремесленники и их семьи оставались без куска хлеба. Значит этот вариант маловероятен.

Если же импорт продукции шел из нескольких центров, мы вправе были бы ждать в городах Юго-Западного Крыма керамику, определенно распадающуюся на несколько групп, каждая из которых несла бы на себе отпечаток тех ремесленно-художественных школ, где она была изготовлена. Однако, в Херсонесе и других близких ему центрах абсолютное большинство находимой белоглиняной керамики составляет единую группу, внутри которой существуют различия хронологические или функциональные. Таким образом, оба возможных варианта представляются нереальными.

После некоторых общих замечаний вернемся к аргументам сторонников широкой торговли поливной керамикой. Наиболее веским доказательством кажется указание на отсутствие в Юго-Западном Крыму белой глины. Но местные гончары довольно широко использовали белую (или точнее беложгущуюся) глину с очень отдаленных времен. Так, еще с античного периода амфоры, кувшины, лутерии и некоторые другие виды изделий покрывались белым ангобом. В эпоху средневековья некоторые типы амфор, черепиц также ангобировались: при изготовлении красноглиняной поливной керамики, в том числе и выпускавшейся одновременно с белоглиняной, применялся белый ангоб. А ведь это не что иное, как белая каолиновая глина. Можно возразить, что ангобирование не требует большого количества сырья, т.е. его нетрудно привезти из-за пределов рассматриваемого региона. Известно, что в Византии существовали отрасли производства, базировавшиеся на привозном сырье. К ним относилось шелкоткацкое ремесло, после потери империей Сирии и Финикии оно развивалось, главным образом, за счет ввоза с востока шелка-сырца (27, с. 143). В Новгороде X-XV в. местные "гребенники" изготавливали большое количество гребней из древесины, привозившейся с Кавказа (28, с. 93-97). Таким образом, глину транспортировать было проще и легче, чем изделия из нее. Известно немало примеров, когда отдельные сорта глин, считавшихся высококачественными, перевозились на большие расстояния. Здесь можно указать Среднюю Азию (29, с. 18,19), Кавказ (10, с. 202), Тверскую губернию (30, с. 4), да и сам Крым более позднего времени. Еще в XVIII-XIX вв. некоторые сорта глины ввозились из-за пределов полуострова, о чем свидетельствуют этнографические материалы. В свою очередь, глина вывозилась из Крыма в Константинополь. Правда, это была не гончарная глина, а кил, употреблявшийся для иных целей (31, с. 87).

Но белая глина использовалась не только для ангобирования, а и для изготовления некоторых типов амфор и черепиц. Так, на Мангупе давно и твердо зафиксировано местное производство черепицы. Как можно понять из краткого сообщения М.А.Тихановой, производство черепицы там было организовано с помощью херсонесских мастеров (32, с. 430), А.Л.Якобсон вообще не считает нужным обсуждать вопрос о возможности перевозки черепицы и твердо говорит об ее производстве на местах (33, с. 25), признавая тем самым и возможность производства находимой здесь белоглиняной черепицы. В самом средневековом Херсонесе нередко встречаются белоглиняные керамиды и калиптеры. Более того, в 1976 г. во время дорожных работ у подножия Мангупа были уничтожены остатки керами-

ческого производства. Осмотр этого места выявил, кроме всего прочего, необожженные заготовки белоглиняных черепиц. Белая глина широко использовалась в черепичном производстве крымских средневековых центров. Одна группа черепицы состояла из смеси двух глин - красножгущейся и беложгущейся. Первая составляла основу глиняной массы, вторая служила для отощения и увеличения огнестойкости теста. На изломе черепицы на красном фоне видны частицы белого, желтоватого или светло-серого цветов (в зависимости от обжига).

Часто включения распределены в тесте неравномерно и залегают как бы слоями. Это указывает на то, что сухая светлая глина, будучи предварительно измельченной, добавлялась в уже подготовленное тесто из красножгущейся глины. Такое тесто весьма характерно и легко отличается от черепка всех других типов. Сам прием смешения разноцветных глин был широко распространен с отдаленных времен на различных территориях (34, с. 108; 3, с. 82,85; 37, с. 191). "Геопоники" свидетельствуют: "...из гончарной глины одни предпочитают красную, другие белую, третьи смешивают обе вместе" (VI, 3).

С некоторой осторожностью можно использовать и такой факт. В различных пунктах херсонесского городища на материковой скале лежит достаточно мощный слой белой глины. Такая же встречается на восточном (противоположном от Херсонеса) берегу Карантинной бухты и в других местах в окрестностях города. В сыром виде она имеет совершенно белый цвет, мелкозернистую структуру, высокую жирность. Был сделан опыт по изготовлению сосуда из этой глины, обжиг произведен в муфельной печи при температуре 900°. Результат получился сомнительный. Обожженная глина имела цвет не красный, но и не белый, скорее всего его можно определить как светлорозовый. Вполне возможно, что с определенными примесями или при другом режиме обжига получится и иной результат. Но сбрасывать со счетов громадное количество этого сырья, залежавшего прямо под ногами херсонесцев, разумеется нельзя.

Среди поливной керамики Херсонеса также можно уверенно отметить некоторые изделия местного производства. При раскопках квартала в портовом районе Херсонеса сделана уникальная находка. На первый взгляд это ничем не выдающийся фрагмент глазурованного сосуда открытого типа: придонная часть и кольцевой поддон, покрытые прозрачной, слабо окрашенной в желтый цвет поливой, без орнамента (инв. №36738, рис. 1а). При ближайшем рассмотрении оказалось, что тулово сосуда сформовано из обычной для херсонесской керамики красной глины и ангобировано, поддон же - из белой коалиновой глины. Объяснить это можно лишь тем, что при изготовлении последней в партии вещи гончару не хватило красной глины на поддон и мастер взял небольшой комок приготовленного теста из белой глины и сформировал из него недостающую деталь.

Там же, в портовом районе Херсонеса, случайно обнаружен чрезвычайно интересный предмет. Он имеет подтреугольную форму со скругленными углами, изготовлен из хорошо обожженной красной глины (рис. 1б). Длина 5 см, ширина 4 см, наибольшая толщина около 2 см. На лицевой стороне высоким рельефом сделана пальметтка изящных очертаний. По размерам, форме и орнаментации - это ручка от обычного позднеантичного светильника, которые были распространены довольно широко в IV-VI в. (38, табл. VII,2,5). Однако нет ни малейших следов прикрепления к корпусу светильника. Либо предмет был отлит в форме от корпуса, либо соответствующая сторона тщательно заглажена. На задней стороне у основания треугольника есть небольшой выступ, который удобно и надежно

зажимается между большим и указательным пальцами. Он найден при раскопках слоев IX-X в. и, видимо, мог играть роль штампа, с помощью которого оттискивался орнамент на ранних белоглиняных блюдах и тарелках. Если это предположение верно, то здесь мы встречаемся с прямым указанием на то, что в городе существовало производство белоглиняной посуды.

Нередко при раскопках Херсонеса встречаются белоглиняные сосуды, сделанные очень небрежно, почти на границе брака. Так, в 1969 г. при исследовании одного из помещений портового района, в слое датированном IX-X в., встретился небольшой кувшинчик, вероятно, детская игрушка (инв. №36799). Глина белая пористая, с многочисленными мелкими красными включениями, т.е. тесто вполне обычное для этого времени. Наружная поверхность под действием высокой температуры приобрела грязно-желтый цвет. Прозрачная, слабо окрашенная в желтый цвет полива с включениями нерастворившихся частиц бегло нанесена только на горло, плечи и верхнюю часть ручки. Отдельные пятна ее разбросаны по всему тулову кувшина и даже на дне (рис. 2). Все здесь говорит о небрежности исполнения: грубая непропорциональная форма, плохая обработка поверхности, необычно толстые стенки, кое-как нанесенное поливное покрытие. Трудно представить себе, чтобы столь ничтожные и низкокачественные изделия могли служить предметом международной торговли, да еще и ввозиться в крупный центр, имевший свое старинное и разветвленное керамическое ремесло. Скорее нужно предположить, что это фабрикация местного гончара, к тому же предназначенная не для продажи (слишком нетоварный вид она имеет), а для своих детей или внуков, сделанная из оставшегося без дела кусочка глины. Можно видеть здесь ученический опыт или что-то подобное. Как давно подмечено исследователями, такие вещи нельзя считать импортными, "так как в этом случае пришлось бы предположить возможность ввоза более грубой и, следовательно, дешевой керамики, чем изготавливающаяся на месте" (39, с. 284).

Авторы, сторонники широкого ввоза керамики, рассматривают фактически только одну группу ранней (IX-X в.) белоглиняной поливной посуды, наиболее пышно украшенную и, видимо, самую дорогую: блюда и тарелки со штампованным орнаментом. Нигде не упоминается, что штампы имеются лишь на немногих фрагментах или целых формах. Точные подсчеты сделать трудно, т.к. штампы располагаются обычно на дне, стенки и венчики лишь изредка украшаются таким орнаментом. Поэтому находимые при раскопках неорнаментированные верхние части могут относиться и к штампованным сосудам. Что же касается доньев, то в различных комплексах не более одного из 10-15 имеют штамп. То есть такая керамика составляла лишь 7-10% от общего числа белоглиняных поливных сосудов.

Встречаются точно такие же по форме, глине и поливе тарелки и блюда с врезным орнаментом. Орнамент в виде небрежно нанесенной волны располагается на так называемых "рельсовых" венчиках между валиками (рис. 3а,б), на горизонтальных краях отрезков гребенчатых волнистых линий (рис. 3в), а также на стенках различной формы сосудов в виде одиночных и множественных врезных линий (рис. 3г,д). Однажды встречены вдавленные треугольники на бортике (рис. 3е). Чаще тарелки и блюда украшались росписью красной и коричневой красками (красящее вещество - окись марганца) под прозрачной, слабо окрашенной в желтый цвет поливой. Орнаменты простейшие: точки, гирлянды, радиальные или горизонтальные мазки (рис. 4) (39, табл. V,в).

Но основную массу ранней белоглиняной керамики составляют сосуды различных форм (блюда, тарелки, чашки, кубки, курильницы), покрытые желтоватой или зеленоватой глазурью без какого-либо орнамента. Обычно эта масса фрагментов посуды остается незамеченной, хотя в отдельных слоях некоторых помещений они встречаются сотнями, в то время как крайне немногочисленная (скорее всего привозная) группа сосудов с пышной полихромной росписью находит отражение во многих работах (33, с. 93, рис. 56; 40, с. 13-23, табл. II-VI). Такое умолчание весьма многозначительно. Действительно, одно дело везти из-за моря пышно украшенную, а следовательно, сравнительно дорогую посуду, совсем другое - массовую дешевую продукцию, выпуск которой значительно проще организовать на месте.

Если обратиться к более позднему времени, к XIII-XIV вв., то здесь мы встречаемся с равноправным сосуществованием красноглиняных и белоглиняных сосудов на протяжении длительного времени, по крайней мере лет 200. Имеются в виду красноглиняные изделия с орнаментом, нанесенным ангобом, с довольно грубо исполненным врезным орнаментом растительного и геометрического характера, с изображением змей, сиринов и проч., с одной стороны, и белоглиняные сосуды с полихромной росписью, с росписью под мрамор, под малахит, покрытые зеленой кроющей поливой и проч., с другой стороны. Но в таком случае остается неясным, почему красноглиняная керамика, несомненно местная, не вытеснила белоглиняную, считающуюся привозной. Ведь первая ни в чем не уступает, а, пожалуй, даже превосходит рядом свойств вторую (например, она более прочна, позволяет достигнуть большей декоративности, иными словами, она лучше выполняет свое функциональное и эстетическое назначение), и к тому же она должна быть более дешевой, так как в ее стоимость не включается стоимость перевозки.

Авторы, склонные считать белоглиняную керамику привозной, преуменьшают ее количество. "Красноглиняная поливная посуда ... в верхних слоях Херсонеса решительно преобладает" (2, с. 168). Это утверждение, мягко говоря, спорно, оно не подкреплено никакими статистическими выкладками. Мы приводим подсчеты количества красноглиняной и белоглиняной поливной керамики по позднесредневековым слоям двух жилых усадеб в портовом районе, которые дали следующие результаты:

Усадьба	Слой	Красноглиняные	Белоглиняные
VII	2	25%	75%
	3	28%	72%
VIII	2	90%	10%
	3	50%	50%

В целом, по двум слоям обеих усадеб количество красноглиняных и белоглиняных фрагментов примерно равно (41, с. 31-37). Видимо, это свидетельство того, что те и другие являются продукцией херсонесских мастеров.

Поливная керамика, как и другие виды гончарных изделий (пифосы, амфоры), нередко носит на себе следы ремонта. Ремонтировали сосуды с помощью свинцовых скреп, закрепляя их в специальных отверстиях, последние просверливались вдоль изломов или трещин. После ремонта сосуды могли еще долго служить, хотя, конечно, наливать в них жидкости было невозможно. Но для фруктов, мясных блюд и прочего они были вполне пригодны.

Характерно, что на белоглиняной поливной керамике следы ремонта встречаются очень редко, значительно реже, чем на керамике из красной глины. Если бы белоглиняные сосуды были привозными, то они считались бы и более дорогими и более дефицитными, особенно в те периоды, когда подвоз товаров из других районов Византии затруднялся или прекращался. Именно поэтому белоглиняная керамика должна была бы часто подвергаться ремонтам, чего на самом деле мы не наблюдаем. Это еще одно свидетельство в пользу местного происхождения поливной посуды из белой глины.

Итак, существуют достаточно убедительные, достоверные свидетельства в пользу того, что местные гончары Крыма широко использовали в производстве белую глину. Другое дело, что современное состояние источников не позволяет с уверенностью ответить на вопрос, была ли это глина местного происхождения, привозной или шли в ход и та, и другая.

Остается рассмотреть последний аргумент сторонников массового импорта белоглиняной керамики из-за моря: большое сходство посуды, находимой в Херсонесе и его окрестностях и в различных византийских центрах. Здесь явно чувствуется противопоставление Херсонеса византийским городам. Для такого противопоставления нет никаких оснований. Херсонес был обычным византийским городом, составной частью империи. Он являлся ее форпостом на северных границах и проводником византийского влияния в Северном Причерноморье. Недаром византийское правительство на протяжении всей средневековой эпохи проявляло неусыпную заботу о Херсонесе, предпринимало активные, чрезвычайные меры, направленные на то, чтобы привязать его к империи, защитить от всех возможных опасностей. Здесь можно напомнить, как настойчиво насаждалось в городе христианство: один за другим направляются в город святители и, несмотря на сопротивление жителей, с помощью военной силы в конце концов удалось утвердить христианскую религию. Таким образом, императорская власть получила дополнительный рычаг, с помощью которого можно было оказывать давление на Херсонес. Впоследствии специальный пункт о "Корсунстей стране" постоянно включался в тексты договоров Византии с Русью. Падение Херсонеса в 988 г. было воспринято как величайшая трагедия. История дает много примеров близости Херсонеса к остальной Византии. Материальная культура Херсонеса по своему облику была чисто византийской, варварские влияния ощущались крайне незначительно. Коротче говоря, Херсонес представляется обычным, рядовым периферийным византийским городом, со всеми составляющими его элементами, со всеми присущими ему сильными и слабыми сторонами.

В эпоху средневековья вообще отмечается мобильность ремесленников и художников (42, с. 138,142). Подмастерья и начинающие мастера переезжают из города в город, чтобы набраться опыта и повысить свой профессиональный уровень, квалифицированные мастера едут по приглашению правителей, в поисках работы или высоких заработков. К числу профессий, представители которых особенно активно кочевали, относят ткачей, стороителей, гончаров и специалистов по обработке дерева (14, с. 124,125). Надо думать, что как раз гончары относились к числу наименее мобильных ремесленников. Ведь каменщик или плотник легко унесет все, что ему нужно для работы, в заплечном мешке. Технология строительного дела везде примерно одинакова. Передвижения же гончара ограничиваются тем, что его инструменты (в первую очередь гончарный круг) массивны, обжигательная печь вообще неподвижна, изучить свойства местных глин, песка, воды можно

только в результате длительного опыта. Но какая-то часть гончаров все-таки переезжала из одной области в другую, оседая на новых местах навсегда или ненадолго. В процессе таких передвижений происходило ознакомление со всеми новинками и тонкостями технологии, вырабатывались единые, стандартные приемы работы, распространялись одинаковые формы изделий и способы их художественного оформления. Исследователи неоднократно подмечали общность керамики в значительном регионе, причем вызванную не ее вывозом из единого центра, а определенную взаимовлияниями, иногда при различном исходном сырье (43, с. 161, 162, 168). Особенно широким был византийский регион (44, с. 126), в который и входил Херсонес. Таким образом, сходство крымской поливной керамики с византийской не только должно вызывать удивления, но оно определяется самим положением дела.

В заключение еще раз подчеркнем, что мы ни в коем случае не отрицаем принципиальную возможность торговли керамикой в эпоху средневековья. Речь идет о том, что регулярное снабжение такого крупного по меркам средневековья города как Херсонес с его округой важнейшим для потребителя и второстепенным для производящего центра товаром, в условиях постоянных войн, широкого развития пиратства, внутренних смут и потрясений, представляется невероятным. Поэтому логично считать большую часть белоглиняной керамики продукцией местных херсонесских мастерских.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1969. № 63.
2. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. № 17.
3. Талис Д.Л. К характеристике византийской раннесредневековой поливной керамики // Труды ГИМ. 1960. № 37.
4. Талис Д.Л. Поливная керамика Баклинского городища // СА. 1976. № 4.
5. Блаватский В.Д. О боспорском ремесле IV-I вв. до н.э. // СА. 1959. XXIX-XXX.
6. Сюзюмов М.Я. Предпринимательство в византийском городе // АДСВ. 1966. Вып. 4.
7. Шелковников Б.А. Художественная керамическая промышленность средневековой Армении // Известия Армянского филиала АН СССР. 1942. № 3-4.
8. Даркевич В.П. Светское искусство Византии. М.: Искусство, 1975.
9. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978.
10. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура // Труды Института этнографии. 1949. Т. VIII.
11. Екимова В.В. Гончарное производство в Хивинском районе // Керамика Хорезма. Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1959. IV.
12. Лунина С.Б. О культурных связях средневекового Мерва // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977.
13. Дживелегов А.К. Торговля на Западе в средние века. СПб.: Изд-во Акц. Общ. "Брокгауз-Ефрон", 1904.
14. Даркевич В.П. Аргонаты средневековья. М.: Наука, 1976.
15. Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М.: Наука, 1980.
16. Карпов С.П. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города // ВВ. 1983. Т. 44.
17. Миллер Ю.А. Художественная керамика Турции. Л.: Аврора, 1972.
18. Даркевич В.П., Стародуб Т.Х. Иранская керамика из раскопок Старой Рязани // СА. 1983. № 2.

19. Даркевич В.П., Розенфельдт Р.Л. Раскопки на городище Старая Рязань // АО-1966. М., 1967.
20. Залесская В.Н. Византийская белоглиняная расписная керамика IX-XII вв. Каталог выставки. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1985.
21. Ал-Бируни, Абу-р-Райхан. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А.М.Беленицкого. Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
22. Амусин И.Д. Кумранская община. М., 1983.
23. Кропоткин А.В. К вопросу о племенных центрах черняховской культуры // СА. 1984. № 3.
24. Горыкина Г.А. Карабулак. М.: Наука, 1974.
25. Фехнер М.В. Раскопки селища близ Грехова ручья // Труды ГИМ. 1960. № 37.
26. Даркевич В.П. К истории торговых связей Древней Руси (по археологическим данным) // КСИА. 1973. Вып. 138.
27. История Византии в 3-х т. М.: Наука, 1967. Т. 2.
28. Вихров В.Е., Колчин Б.А. Из истории торговли древнего Новгорода // СА. 1955. XXIV.
29. Сайко Э.В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII-XII вв. Душанбе, 1966.
30. Розов Н. народная техника гончарного производства Тверской губернии. Тверь: Изд-во губисполкома, 1926.
31. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen statthalterschaften des Russisch Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig. 1801. Band. II.
32. Тиханова М.А. Черепицы с метками из раскопок 1938 г. // МИА. 1953. №34.
33. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
34. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
35. Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.: Наука, 1982.
36. Рахимов М.К. Опыт творческого освоения поливной керамики // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства, 1983.
37. Василчив И. Глинени лампи от Черноморското крайбрежие на южна Добруджа // Известия на народния музей Варна. 1988. № 34-39.
38. Шелковников Б.А. Поливная керамика Саркела - Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
39. Morgan Ch.H. The byzantine pottery // Corinth. 1942. V. 11.
40. Макарова Т.И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. Вып. Е 1-38. М.: Наука, 1967.
41. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе объединенной экспедиции в 1963-1964 гг. // АДСВ. 1971. № 7.
42. Лазарев В.Н. Константинополь и национальные школы в свете новых открытий // Византийская живопись. М.: Наука, 1971.
43. Ахраров И., Мирзаахмедов Д. Керамика и стекло Ахсихета // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства, 1983.
44. Полевой Л.А. Культурно-исторические традиции в средневековой поливной керамике с орнаментом граффито Карпато-Дунайских земель // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968.

DANILENKO V.N.
 WHITE-CLAY GLAZED POTTERY OF CHERSONESOS
 Summary

All white-clay and mainly red-clay glazed pottery from Chersonesos and other medieval centres of the South-Western Crimea is considered to be imported from

Constantinople and other Byzantine cities. However, there are some facts that make this assumption doubtful: 1) frail, easily broken and rather cheap pottery is not the goods beneficial for long transportation; 2) unstable situation on the trade routes as a result of constant wars, piracy, internal disorders did not guarantee the regularity of delivery for a long period; 3) white Koalin clay was always used for pottery in Chersonesos as angob to mix it with red clay, etc.; 4) some white clay wares, which were obviously manufactured in Chersonesos are published in this article. We do not reject the possibility of bringing small parties of goods, but we think that regular supply to such a large medieval town as Chersonesos and its neighbourhood with white-clay pottery was incredible. It would be logical to consider its large part to be a production of local Chersonesos workshops.